

Мой дед — Фауст Львович Дасковский (2 августа 1883 г. - 29 января 1938 г.)
Расстрелян в Томске 81 год назад.

Бабушка умерла 29 января 1937 года. 19 декабря того же года арестовали дедушку, а 29 января 1938 года его расстреляли. Ровно через год после смерти жены. Последнего своего ареста дедушка ожидал, всех его сослуживцев к этому времени уже арестовали, на свободе оставался он один. Почему-то надеялись, что после 12 декабря 1937 года – дня выборов в Верховный Совет СССР, аресты прекратятся. Однако мистическая надежда не оправдалась. Уже после ночного обыска, перед самым своим уходом, в дверях, дедушка обернулся к семнадцатилетней дочери и грустно порадовался: «Хорошо, что мамы нет». Решили, что передачи в тюрьму будет носить мама, выглядевшая подростком.

Старшего брата Леву следовало побережь, он и так вел себя героически – наотрез отказался отрещиваться от репрессированного отца и был изгнан из комсомола. А для того, чтобы предупредить о случившемся сестру Татьяну, жившую с новорожденным младенцем в пригороде Томска, маме моей на следующий день после дедушкиного ареста (в целях конспирации не утром и не днем, а поздним декабрьским вечером) пришлось поехать в глухой незнакомый поселок, не зная адреса, чудом отыскать сестру и запретить ей появляться в городе.

Передо мной последняя весточка от дедушки, написанная корявыми крупными буквами-инвалидами, тупым синим карандашом. Конечно же, ни письма, ни самой короткой записки дедушка прислать не мог. Последняя весточка – это всего лишь доверенность. Вот ее текст: «Настоящим доверяю моему сыну Льву Фаустовичу Дасковскому получить причитающуюся мне зарплату и оплаченные билеты «Займа Обороны Страны». 21/XII 37 г.» Ниже полустершаяся треугольная печать «Томский сектор УНКВД». Чувствуется, что писал доверенность полуслепой измученный человек. Что произошло за эти два дня и две ночи с моим дедушкой, что к этому моменту он уже претерпел, и что ему претерпеть предстояло? Последний дедушкин почерк ничуть не похож на четкую компактную графику открыток, которые он отовсюду посылал бабушке. Доверенность сохранилась потому, что деньги по ней получать не стали. И по странным законам времени должно было пройти более шестидесяти лет прежде чем скорбный документ, в следующем уже веке, всплыл из жалких останков семейного архива передо мной, внучкой – теперь уже ровесницей деда. Недлинная фраза из-за крупных близоруких букв (понятно, что очки дедушкины уже были разбиты, и можно догадаться при каких обстоятельствах) не уместилась на тетрадном листке, дописывать пришлось на обороте. И случилось так, что этот незначительный документ стал последним посланием, отправленным дедом со своего крестного пути длиною в сорок дней. Удивительно, но ветхий листок, содержащий минимум информации, сохранил дедушкину муку и еще нечто такое, что трудно сформулировать, но можно ощутить.

Ольга Вельчинская